

9. Рогова К.А. Современный русский литературный язык. Односоставные предложения. Л., 1971.
10. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 2006.

М. А. Романова, г. Тюмень

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРАХ ПО НИЖНЕЙ ТАВДЕ, ТОБОЛУ, КОНДЕ И ИРТЫШУ

Исследование данного звена морфологической системы говоров по нижней Тавде, Тоболу, Конде и Иртышу дает богатый и интересный материал для выявления диалектных глагольных форм (в том числе архаических форм и новообразований) и их географического распределения на территории указанного региона. «Далеко не все они изучены настолько, — пишет Ф.П.Филин, — что можно с уверенностью говорить об их ареалах и времени возникновения» [Филин 1972: 437]. Так, «до сих пор» остается не изученным в достаточной мере вопрос о территориальном распространении по русским говорам формы «давнопрошедшего времени» [Кузнецов 1953: 243]. Введение в научный оборот нового фактического материала по употреблению остатков сложной формы прошедшего времени (плюсквамперфекта) дает возможность более последовательно проследить историю этих форм в русском языке. Обращение к описанию системы форм прошедшего времени поможет определить тенденции в их употреблении, общие и для диалектной речи, и для разговорной речи носителей литературного языка.

Диалектный материал собран автором во время экспедиций и индивидуальных поездок в 1953-1979 гг. Записывалась речь лиц всех возрастов. Наиболее детально изучалась речь людей старшего поколения, носителей традиционного (архаического) слоя говоров. Данное исследование ведется в сравнении с современным русским литературным языком, с учетом истории старожильческих говоров.

По низовьям Тавды, по местам, благоприятным для земледелия, «крестьянское население начинает оседать с конца 16 в. Большинство слобод было основано в первой половине 17 в.» [Шунков 1946: 58]. Примерно в 1620 г. была основана Тавдинская слобода. По переписи 1625 г. в ней было уже 16 дворов, «а людей в них 22 человека» [Буцинский 1899: 124]. Около нее позднее возникали многочисленные деревни и выселки. Основная масса «пахотных людей» приходила из пределов Вятской, Вологодской и Пермской губерний («из Перми и с Вятки, из Солей») [Шунков 1956: 44].

Освоение русскими территории по нижнему Иртышу и его притокам началось в начале XVII в. после основания в 1637 году Демьянского и Самаровского ямов [Фишер 1774: 404], заселенных «ямщиками из-за Урала», выходцами «из Вологодского и Пермского краев» [Лопарев 1896: 29]. В течение XVII-XVIII вв. **села и деревни по низовьям Иртыша (волости Самаровская, Филинская, Демьянская, Юровская и более южная Уватская)** были заселены исключительно самаровскими, демьянскими и, частично, тобольскими ямщиками.

1. В системе форм прошедшего времени в исследуемых говорах, как и в литературном языке [Русская грамматика 1980: 627, 628], выделяется четыре родо-числовые формы: три формы (муж., жен. и ср.рода) в ед.числе и одна форма во мн.числе. Принадлежность к роду выражается нулевым окончанием в форме муж.рода, флексиями *-а* в форме жен.рода и *-о* в форме ср.рода. Например: зимАми фсЁ *промышлЯл* (Б-Я), вЕзь гОт *лесовАл* (Г-С), отЕс-от

плОтнищАл (Шм.); заколевАла ф капрОновом чулкЕ (Л.), пАла пекАрня-та (Елш.); тЕсто-то зА ночь захрЯснуло «загустело» (Ант.); формы на -о чаще всего отмечаются у безличных глаголов: сЁдни провЕдрело (Мш.), пробрЫзнуло, и опЕть стАло сУхо (Юм.) и под.

Образование форм числа у глаголов прошедшего времени в говорах, как и в нормированном языке, «представлено отношением [л — л'] (играл | играли)» [Русская грамматика 1980: 628]. Например: скОт петнАли, лАдили мЕтку, да йА и сАм петнАл (Ал.), товдА йА нековО не тЯмал, да и онЕ тОжо нековО не тЯмали, не понимАли (Л-Ф), зЕмлю назьмИли (Чмб., Шл.), дерЕвйа окУржавели (Бг., Б-Бл., Ер., Сол.) и под.

Значение I и II лица передается присоединением к форме прошедшего времени личных местоимений: йА товарАзу подбежАл к йэмУ (К.), товдА тЫ срАзу от нАс уйЭхал (Н-С), и угошшАли мЫ йэвО чЕм душА жэлАт (Бз.), фчерАсь вЫ розговАривали з дЕдушком, а йА корОу доИла (Кр.) и под. III лицо выражается сочетанием формы прошедшего времени с лично-указательным местоимением он (она, онО, онЕ): вЕзь дЕнь Он прорОбил на покОсе, дАк не до кИна (Хм.), брОсила она свойО кУрево (Ал.), онЕ тАмо просидЕли на берегУ и не уйЭхали (Гп.) и под. На III лицо может указывать подлежащее, выраженное существительным: теплОхОд-от отошОл (Ув.), вОн кАг грОм-от прогремЕл (Л-Сб.), ф колхОзе уш убОрошна зачелАсь, дАк хватАт рОботы (К-Я), ненАсьсё наступИло, дАк онО нАм шЫпко помешАло (Ив.) и под.

Отметим особенности в образовании формы прошедшего времени муж.рода. Обычно суффикс -л в данной форме присоединяется к основе инфинитива (прошедшего времени) на гласный: промышлЯ-л, лесовА-л, побелЕ-л, пилИ-л, тОрну-л (тОрнул вАзу — весЕлинькой бЫл — Ант.) и под. Лишь ряд непродуктивных групп глаголов не имеет этого -л. Так, «бес-суффиксная форма» прошедшего времени в муж.роде, как и в литературном языке, наблюдается у глаголов с основой на /з/. /с/, /р/: завЁз быстрЕнькё йэмЯ рЫбу-ту (Дм.), шшэнОк изгрЫз большУ-ту кОсь (Л.), на нОвом мЕсте корОф-то нАс (Мрз.), скАзывали нОмер Он (Алт.) и под. С нулевым суффиксом форма прошедшего времени муж.рода в говорах образуется также от глаголов на -кчИ: берекчИ — берЁк (нОвой кустЮм берЁк — Ш.), запрекчИ — запрЁк (йА запрЁк лОшадь-ту, йЭть ф ТавдУ — Ч.), поволокчИ — поволОк (куда Он мешОк-от нАш поволОк — Кн.). текчИ — тёк (фсЮ нОчь из йАгот сОк тЁк — Ан.) и под.

В отличие от литературного языка [Русская грамматика 1980: 628], некоторые приставочные глаголы непродуктивной группы на -нуть, имеющие в инфинитиве суффикс -ну— после корня на /б/, /п/, /г/, /к/, /х/, образуют в исследуемых говорах формы прошедшего времени муж.рода с этим суффиксом и, следовательно, оканчиваются формообразующим -л. Приведем соответствующий материал: ремЕнь-то ослабнул (Бр.), йИхной парнИшко окрЕпнул, такОй здорОвой стАл (Акс.), тЫ чЁ ослЕпнул ли чЁ ли, наступИл на литОфку-ту (Анд.), мАло двИгатса, дАк вЕсь обрЮзгнул, не мОжот ходИть (Плв.), вЕсь продрОгнул на йЭтой рыбАлке (В-С), Он при-вЫкнул в морОс в бродешкАх ходИть (Рч.), сухАрь уш розмОкнул (Нз.), робЁнок-от умОлкнул, уснУл (Б-Бл.), хОдь бы на минУту замОлкнул, голова бы оддохнУла (Стн.), под дождыком-то вЕсь промОкнул (Тл.), хтО-то нОчьчу тайкОм пронИкнул туда (Кн.), опсОхнул, дАк айДА опЕть в вОду (Т.), сидЕл в углУ притИхнул, покА мАть-та розговАривала (Н-Т), вЕтер-от утИхнул, шЫпко-то не дУют (Мл.), почЁ-то костЁр потУхнул (Ув.), светОчик-от не росвЁл, а уж засОхнул (Н-С), фчерАсь вЕзь дЕнь продрЫхнул, фсЮ нОчь гулЯл дАк (Хм.), Он ф прОшлом гОде йишО оглОхнул, хтО постучИтца — не открОйот (Р.), бочЁнок-от розбУхнул от водЫ, шшылЕй-то не стАло (Ант.). Встретились случаи появления суффикса -ну- в данной форме после согласных /с/ и /з/: фчерАсь рАно у фсЕх свЕт-от погАснул — сломАлса движОк (Гп.), павУт-от повИснул в вОздухе — попАл ф тенЁту (Юм.), кАк ишчЕзнул мОй кисЕт с табакОм, хтО йэвО куда удЁрнул (Ал.). Формы прошедшего времени ряда приставочных глаголов на -л от основы на -ну— (потУхнул, утИхнул, притИхнул, замОлкнул, погАснул) возможны в поэтической речи [Горбачевич 1971: 207-208]. В нормированном языке форма прошедшего времени муж.рода в непродуктивной группе глаголов на -нуть «обычно не имеет суффикса -ну-, особенно от основ с приставками» [Виноградов 1972: 349]. Случаи сохранения -ну- в формах на -л (заглОхнул, затИ

хнул, умѠкнул, завѣзнул и др.) В.В.Виноградов фиксирует «в индивидуальном употреблении» [Виноградов 1972: 358]. Варианты с суффиксом *-ну-* у приставочных глаголов (обсѠхнул, продрѠгнул, привѣкнул, обрѣзнул, окрѣпнул, ослабнул и др.). И.Л.Резниченко приводит с пометой «устар.» [Резниченко 2010: 178, 254, 449 и др.].

На появление суффикса *-ну-* в основе форм прошедшего времени муж.рода у приставочных глаголов непродуктивной группы на *-нуть* оказали влияние глаголы IV продуктивного класса (типа *столк-ну-л*, *прыг-ну-л* и под.). Сохранению данных ненормативных форм (обрызгнул, привѣкнул и др.), по-видимому, способствуют глаголы непродуктивной группы, принадлежащие без приставок к несовершенному виду и имеющие после корневых заднеязычных согласных и /б/, /п/, /з/, /с/ во всех родовых формах в говорах суффикс *-ну-*: дрОгнул, дрОгнула (стойАла на морОзе дрОгнула — В-С), мОкнул, мОкнула (цѠлой дѠнь под дожджОм мОкнула — Тл.), сОхнул, сОхнула (на ветрУ скОро тужУрка-та сОхнула — Т.), сОхнуло (белйО-то хУдо сОхнуло, мОрог дАк — Н-А), глОхнул, глОхнула (напослЕде она софсЕм глОхнула — Р.), дрЫхнул, дрЫхнула (лежАла дрЫхнула — Хм.), слАбнул, слАбнула (пот старОсь у йѠй и рука слАбнула — Бр.), крЕпнул, крЕпнуло (винО-то крЕпнуло — Акс.), вИснул, вИснула (вИснула на йѠвО шѠйѠ — Юм.) и под.

Заметим, что в нормированном языке у бесприставочных глаголов на *-нуть* «соотношение /ну — н/» в форме муж.рода наблюдается «наряду с соотношением <<нуль — /н/»» [Русская грамматика 1980: 652]: мѠрзнул и мѠрз, вязнул и вяз, киснул и кис, хрипнул и хрип, липнул и лип, пухнул и пух, тухнул и тух, пахнул и пах и др. Наблюдения показали, что из случаев двоякого образования форм ед.числа муж.рода у данных глаголов в литературном языке диалектоносители старшего поколения употребляют первый вариант, в речи лиц среднего и младшего возраста отмечаются обе дублетные формы. Образования с суффиксом *-ну-* у глаголов несовершенного вида на *-нуть* П.С.Кузнецов рассматривает как архаизмы. «Лишь в редких случаях, как архаизм, — пишет он, — употребляются такие формы, как *мѠрзнул*» [Кузнецов 1952: 300].

Формы типа *опсОхнул* встречаются во многих микросистемах старожильческих говоров данного региона. Однако распространение элемента *-ну-* на основу формы прошедшего времени не имеет в говорах по нижней Тавде, Тоболу, Конде и Иртышу «характера актуального процесса». «... неуклонно происходящий процесс исчезновения суффикса *-ну-* в формах прошедшего времени» в литературном языке [Граудина 1980: 209] неминуемо затрагивает и диалекты. Образование форм прошедшего времени муж.рода от приставочных глаголов непродуктивной группы с суффиксом *-ну-* в настоящее время наблюдается лишь в архаическом слое говоров и обычно наряду с формами без суффикса *-ну-* и формообразующего *-л-*: *опсОх* (Т.), *потУх* (Ув.), *притИх* (Н-Т), *утИх* (Мл.), *замОлк* (Стн.), *умОлк* (Б-Бл.), *привѠк* (Рч.), *розмОк* (Нз.), *обрЮск* (Плв.) и др. Как отмечает С.В.Бромлей, диалектных систем, «где бы основа на *-ну-* последовательно выступала в формах прошедшего времени отдельных глаголов этого метаразряда ..., по-видимому, не существует» [Бромлей, Булатова 1972: 155].

В замене форм типа *обрЮзнул*, *розмОкнул* типом *обрЮск*, *розмОк* проявляется тенденция устранения дублетных образований, утрата суффикса *-ну-* в формах прошедшего времени «вызывается его функциональной ненагруженностью, поскольку он безразличен для системных противопоставлений» [Граудина и др. 1976: 199-200]. «Возможно, — пишет К.С. Горбачевич, — здесь сказалось действие общего закона экономии (мокнул — мок)» [Горбачевич 1971: 210]. Необходимо также учесть и то, что появление вариантов без суффикса *-ну-* в речи диалектоносителей находит поддержку в широком употреблении подобных форм в разговорной речи местной интеллигенции: *посАжѠнный-то кУстик у нАз засОх* (Н-С), *вдрУк свѠт номУх* (Ув.), *привѠк тЫ холОдно пИть* (Рч.), *набедокУрил, вОт и притИх* (Н-Т), *ф пионѠрском лаГере Он хорошО окрЕп* (Акс.), *на моИх глазАх ребѠнок ищЕс* — *нарОду бЫло мнОго на сабантУйѠ-то* (Ал.) и под. Однако пока еще слабое влияние литературного языка на соответствующее звено диалектной речи объясняется тем, что в нормированном языке «вытеснение вариантов с суффиксом произошло сравнительно недавно» [Граудина и др. 1976: 201]. «Почти до самой середи-

ны XIX в., — замечает Л.А.Булаховский, — нередко употреблялись формы с *-ну-*, где теперь мы это *-ну-* опускаем» [Булаховский 1953: 207]. В конце XIX — начале XX в. постепенно устанавливалась «более короткая форма» (озяб, озябла, вымок, вымокла, повис, повисла, а не озябнул, озябнула, вымокнул, вымокнула, повиснул, повиснула и т.п. [Горбачевич 1971: 208]. В настоящее время в литературном языке формы на *-ну-* у некоторых бесприставочных глаголов «еще удерживаются» в муж.роде [Там же: 209]. Другие формы прошедшего времени ед.числа этих глаголов с суффиксом *-ну-*, отмеченные в исследуемых говорах (вИснула, глОхнула, дрОгнула «мерзла», слЕпнула, сОхнуло, крЕпнуло и под.), являются устарелыми [Резниченко 2010: 75, 115, 183 и др.]. Ср. в кодифицированном языке: в^иснул, гл^охнул, др^огнул, кр^епнул, сл^абнул, сл^епнул и др., но: в^исла, в^исло, гл^охла, гл^охло, др^огла, др^огло, кр^епла, кр^епло, сл^абла, сл^абло, сл^епла, сл^епло и под. [Аванесов 1985; Резниченко 2010].

2. В ряде микросистем старожильческих говоров для обозначения прошедшего времени могут использоваться две глагольные формы на *-л*, одна из которых является формой от глагола «быть». Приведем соответствующий материал: муж.род — парнИшко-то утонУл бЫл ф прОшлым гОде (Анд.), мужЫк-од жанИлса бЫл на здЕшной (Ер.), розБИл бЫл хорОшу-ту вАзу — кудЫ глИдЕл своИм шарАм (Д.), замЕрз бЫл парнишшОнко-то, одеВатса-та тепло не лЮбит (Ч.), надойЭл бЫл йэмУ йЭтод гнУс, наДо бЫло срАзу лЯкчи пот пОлок (Мс.), заколОл бЫл телЕночка, от чЕ Он захварАл у йИх (Пч.); жен.род — вЫколотила бЫла холстЫ на рекЕ, какИ-те жоСки стАли; набрала бЫла клЮквы-то с однОй кОчки (Ант.), занесла бЫла йэмЯ йэршЭй на ухУ (Н-Т), нидЕлю в лесУ поблудИла бЫла, закружАлася бЫла (Анд.), застАла бЫла йийО дОма — на покОс-от не ушла она (Мс.), из годОф-то не вЫшла бЫла (Пч.), напреА бЫла одИн прОстень, стАла тИхо прЕсь-то (Д.), потаскАла бЫла водЫ-то с рекИ — в большУ сЕмйу взАмуж-от выходИла (Н-Т), згорЕла бЫла товДА у йИх стайОнка, иж жарьдЕй сОбрана бЫла (Ер.); ср.род — шЭзь бЫло остАлося от отсА — малА малА мЕньшэ (Анд.); мн.число — такИ топлЕнки покупАлися бЫли (Ер.), сйЭли бЫли фсЮ кАшу-ту, проголодАлизь дАк (Д.), веснОй огорОд-от уназьмИли бЫли, землЯ-та истошшАлазь дАк (Мс.), рубАхи-те одбЫгали бЫли, жЫво вЫсохли на ветрУ-ту (Ант.).

Как видим, входящая в состав данной диалектной конструкции глагольная форма *был* (-а, -о, -и) согласуется с основным глаголом на *-л* (-ла, -ло, -ли) и подлежащим в роде и числе (утонУл бЫл, набрала бЫла, бЫло остАлося, топлЕнки покупАлися бЫли и под.).

Основной глагол в рассматриваемых формах является обычно глаголом недлительным, совершенного вида, а вся конструкция типа *утонУл бЫл* встречается в простом или бессоюзном сложном предложении, обозначает законченное прошедшее действие. Формы сложного прошедшего в говорах в основном являются предикативным членом двусоставного неполного предложения с пропущенным подлежащим (розБИл бЫл хорОшу-ту вАзу, нидЕлю в лесУ поблудИла бЫла и под.).

Диалектные формы типа *жанИлса бЫл*, *набрала бЫла* в настоящее время сохраняются лишь в речи отдельных лиц старшего возраста, они отражают, вероятно, следы древних сложных форм глагола (плюсquamперфекта). Известно, что древнерусская сложная аналитическая форма давнопрошедшего времени (есмь был пришел) «в старом русском языке» после утраты личных форм настоящего времени вспомогательного глагола «стала выражаться сочетанием двух слов: формы прошедшего времени ... самостоятельного глагола и формы вспомогательного глагола был» [Кузнецов 1952: 305; Обнорский 1953: 160]. С XVIII в. в литературном языке форма *был пришел* «окончательно теряется», «утрачена она и большинством русских говоров» [Кузнецов 1953: 243]. Как живое грамматическое явление данная форма сохраняется в основном в некоторых архаических севернорусских диалектах (новгородских, вологодских, архангельских) [Мешерский 1972: 193] и вятских [Симонов 1956: 10; Литвинова 1966: 451-452]. «Замечательно, — пишет С.П.Обнорский, — ограничение этих форм былого давнопрошедшего лишь пределами севернорусского наречия» [Обнорский 1953: 160].

Как показывает приведенный материал, описываемое диалектное явление характеризуется четкой локализацией — отмечается в говорах по нижней Тавде. И это, по-видимому, связано с историей заселения данной территории. Здесь были выходцы не только «из Вологодского и Пермского краев», часть первоначального населения приходила сюда из Вятской губернии («с Вятки»). Вообще нижнетавдинские говоры обладают определенным своеобразием, они отличаются от тобольских (по нижнему Тоболу и части Иртыша), уватских, демьянских и самаровских (по нижнему Иртышу) рядом других диалектных особенностей. Например, только говорам по нижней Тавде свойственно совпадение дат. и твор.падежей во мн.числе (за тЕм столбАм, своИм шарАм, с мужыкАм и под.), неразличение форм предл. и твор.падежей ед.числа у прилагательных муж. и ср.рода (крАсным бАНтом, ф крАсным платкЕ, ф прОшлым гОде и под.) и др.

Постепенное исчезновение «остатков» сложной формы прошедшего времени, утрата формами типа *утоиУл бЫл* их бывшего значения в речи носителей архаического слоя говоров по нижней Тавде во многом объясняется воздействием со стороны соседних старожильческих говоров (тобольских и иртышских), где данные формы не зафиксированы. Учитывается и то, что почти в каждом населенном пункте диалектоносителям приходится общаться с образованными людьми, владеющими разговорной речью литературного языка.

ВЫВОДЫ. 1. В традиционном слое исследуемых старожильческих говоров обнаруживаются некоторые архаические черты, унаследованные от древнего формообразования глаголов прошедшего времени (например, наличие в части говоров диалектной конструкции типа *утоиУл бЫл*, состоящей из самостоятельного глагола и формы глагола *был*). В говорах отмечается локально не ограниченное употребление устарелых в литературном языке глаголов непродуктивной группы на *-нуть* с суффиксом *-ну-* в основе прошедшего времени (продрОгнул, привЫкнул, ослАбнул; слЕпнула, крЕпнуло, сОхнуло и др.).

2. Различие говоров, обнаруженное в составе форм прошедшего времени (*утоиУл : утоиУл бЫл*), связано с историей формирования нижнетавдинских говоров на основе диалектов вологодско-вятской метрополии.

3. Взаимодействие диалектной речи информантов с разговорной речью носителей литературного языка приводит в говорах к появлению дублетных образований (*опсОхнул* и *опсОх*, *обрЮзнул* и *обрЮск*, *привЫкнул* и *привЫк*, *притИхнул* и *притИх* и др.), к постепенной утрате «остатков» сложной формы прошедшего времени.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

По нижней Тавде — Андрушино (Анд.), Антропово (Ант.), Верхнесидорово (В-С), Девятково (Д.), Ерёмино (Ер.), Мияссы (Мс.), Нижняя Тавда (Н-Т), Паченка (Пч.), Тараканова (Т.), Черепаново (Ч.); *по нижнему Тоболу* — Аксарина (Акс.), Антипина (Ан.), Большая Блинникова (Б-Бл.), Иевлево (Ив.), Караульнор (Кр.), Липовка (Л.), Хмелева (Хм.); *по нижней Конде* — Алтай (Алт.), Богданы (Бг.), Елушкина (Елш.), Кама (К.), Кондинское (Кн.), Мульмыя (Мл.), Назарово (Нз.), Новая Силава (Н-С), Половинка (Плв.), Сотник (Стн.), Шаим (Шм.), Юмас (Юм.); *по нижнему Иртышу* — Алымка (Ал.), Базьяны (Бз.), Большой Ярок (Б-Я), Бронниково (Бр.), Горноправдинск (Гп.), Горнослинкино (Г-С), Демьянское (Дм.), Красный Яр (К-Я), Луговая Суббота (Л-Сб.), Лугофилинская (Л-Ф), Мишино (Мш.), Мурза (Мрз.), Нижние Аремзяны (Н-А), Рачево (Рч.), Реполово (Р.), Солянка (Сол.), Тюли (Тл.), Уват (Ув.), Чембакчина (Чмб.), Шестакова (Ш.), Шилова (Шл.).

Литература

1. Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
2. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Т. II (Исторический комментарий). Изд-е 4-е. Киев, 1953.

3. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.
4. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. Изд-е 2-е. М., 1972.
5. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.
6. Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980.
7. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.
8. Кузнецов П.С. Глагол // Современный русский язык: Морфология / Под ред. В.В.Виноградова. М., 1952.
9. Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
10. Литвинова Е.И. Глагольные формы в русском говоре Красногорского района Удмуртской АССР // Учен. зап. МОПИ им. Н.К.Крупской. Т. 169. Русский язык. Вып. XII. М., 1966.
11. Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. СПб., 1896.
12. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
13. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы // Под ред. Р.И.Аванесова. 2-е изд. М., 1985.
14. Резниченко И.Л. Современный словарь русского языка. Ударения. Произношение. Орфоэпический. М., 2010.
15. Русская диалектология / Под ред. проф. Н.А.Мещерского. М., 1972.
16. Симонов В.В. Очерки морфологической системы говора Верховинского района Кировской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1956.
17. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
18. Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб, 1774.
19. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в 17 — нач. 18 вв. М.; Л., 1946.
20. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (17 в.). М., 1956.

А. А. Сандуца, г. Тюмень

НАРЕЧИЯ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ТЮМЕНСКИХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ 2-Й ПОЛ. XVIII ВЕКА

Как часть речи наречие оформилось еще в древнерусском языке и к XVIII веку уже имело все те категориальные характеристики, какие мы наблюдаем в настоящий момент, этот факт отмечен в Грамматиках Н.И. Греча, Ф.И. Буслаева, М.В. Ломоносова, в работах Н.В. Чурмаевой [Чурмаева 1989]. Пути и способы образования наречий не претерпели изменений, среди них выделяют: 1) отрыв одной из именных форм от системы словоизменения (*летом, зимой, днем*); 2) слияние предлогов с различными частями речи с одновременным переосмыслением падежных форм и превращением их (вместе с предлогами) в отдельные слова (*вверх, книзу, надолго*); 3) повторение слова с прибавлением предлога-приставки *на-* к форме